

**«ИЗГНАНИЕ ПОРОКОВ И НЕВЕЖЕСТВА
ИЗ ПРЕДЕЛОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ»:
ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ЧТЕНИЯ
АНГЛИЧАН XVIII В.¹**

В данной статье рассматривается роль периодической печати в формировании читательской аудитории в Англии в XVIII в. Автор обращает внимание на особую роль интеллектуалов, которые на страницах «Спектейтора» и «Тэтлера» формировали круг чтения англичан, а также выделяет факторы, которые повлияли на изменения в культуре и практиках чтения англичан. Особую роль в этом процессе сыграли изменения в образовательных программах и структурах повседневности в Эпоху перемен.

Ключевые слова: образованность, грамотность, гражданское общество, культура чтения, периодическая печать, интеллектуалы, Эпоха перемен.

В Англии XVIII столетие стало периодом повсеместного роста грамотности, расширения читательской аудитории и, вследствие этого, невиданного издательского бума. Но данный процесс не был одномоментным и сопровождался определенными проблемами. Между 1700 и 1801 гг. население Англии и Уэльса увеличилось с 5 500 000 до официальной цифры в 8 893 000 [Porter, p. 3]. В предисловии к первому изданию «Пенни мэгэзин» издатели сослались на Эдмунда Берка, который подсчитал, что около 1790 г. английская читающая публика составляла приблизительно 80 000 человек [Preface, p. III], тогда как в 1832 г. только у данного журнала было 200 000 покупателей, а число читателей могло доходить до миллиона. Что же сформировало английскую читательскую аудиторию и привило ей вкус к чтению? Здесь следует выделить несколько взаимосвязанных факторов: изменения в образовательных подходах и практиках в Эпоху перемен, эволюцию структур повседневности, а также особую роль интеллектуалов, формировавших интерес к чтению у англичан посредством периодической печати.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в Эпоху перемен, XVII–XVIII вв.»).

Первое, на что следует обратить внимание, – это изменения в образовательных практиках, которые сыграли не последнюю роль в формировании интереса к чтению у англичан. В XVIII в. были широко распространены гимназии (*grammar school*) и многочисленные частные классические школы. Эти школы придерживались латинского учебного плана, который сохранился почти без изменений со времен Тюдоров. Большинству мальчиков они давали только запас классических примеров, пригодных для любого случая, и сильное отвращение к античным литературным произведениям, в которых они и содержались. В ходе обучения не предпринималось никаких попыток поощрять чтение как времяпрепровождение, и уж тем более чтение произведений на родном языке, который все еще считался языком второго сорта и потому игнорировался. Лишь отдельные преподаватели, такие как Чарльз Мортон (1627–1698), наставник Дефо в Ньюингтоне, а позже Филипп Доддридж в Нортгемптонской академии, читали лекции на английском, а не на латыни. Как естественное следствие, в качестве примеров в своих лекциях они приводили отрывки из английских книг, а не из античной классики. Уже Джозеф Пристли, автор «Основ английской грамматики», в 1761 г. добавил в учебное пособие приложение, содержащее выдержки из Аддисона, Поупа, Болингброка, Юма, Свифта и других современных английских писателей.

Степень, в которой английская литература была представлена в академиях в конце XVIII в., лучше всего измеряется количеством поэтических сборников и томов, опубликованных и переизданных в течение этих десятилетий. Аддисон в «Спектейторе» ссылался на практику коллекционирования выдержек из великих авторов для изучения и подражания, предложенную французом Шарлем Ролленом (1661–1741, Charles Rollin), чей влиятельный трактат в нескольких томах, названный «Метод обучения и изучения прекрасных писем» [см.: Rollin], был популярен у современных английских педагогов [Atlick, p. 43], а его работа переиздавалась в Англии даже в начале XIX в. В результате этого практически каждый английский великий современный писатель был разобран на отдельные отрывки, подходящие для анализа в классе: лидирующее место здесь занимали выдержки из Шекспира и Филдинга (чьи произведения были несколько раз переизданы только в 1782 г.), Стерна (одиннадцать переизданий между 1782 и 1790 гг.), доктора Джонсона, «Спектейтора», «Гардиан», «Тэтлера» и т. д. Благодаря использованию этих сборников в школьные годы англичане, представители среднего класса, по крайней мере, смогли по-

знакомиться с выдержками из произведений некоторых светил своей национальной литературы.

Подсчеты Э. Берка, приведенные в начале статьи, вызывают определенный интерес, но каким же образом можно судить о размерах читательской аудитории в Англии того времени? Американский исследователь Ричард Этлик предлагает ориентироваться на объем тиражей печатных изданий и относительную редкость, с которой требовались новые издания популярной книги. Покупательская способность читательской аудитории в Англии XVIII в. была очень скромной. Самый известный пример судьбы «бестселлеров» того времени – романов, выходявших в 1740–1753 гг., позволяет судить о количестве покупателей новых изданий.

Население Англии в 1750 г. составляло от шести до семи миллионов человек. У романа «Памела» (1740) было распродано пять тиражей (размер тиража неизвестен) за год, «Джозеф Эндрюс» Г. Филдинга (1742) выдержал три переиздания, было продано 6500 экземпляров за тринадцать месяцев. «Родерик Рэндом» Т. Смолетта (1748) вышел тиражом в 5000 экземпляров, которые разошлись за первый год. Второй тираж «Клариссы Харлоу» Ричардсона (1749) составил 3000 экземпляров и распродавался около двух лет. За три года перевод с французского Смоллеттом «Истории Жилия Бласа» А. Р. Лесажа (1748) выдержал три переиздания общим тиражом 6000 экземпляров. Первый тираж «Амелии» – последнего романа Филдинга (1751) был распродан тиражом в 5000 экземпляров всего за неделю, а то и меньше. Джонсон написал по этому поводу, что «это была, пожалуй, единственная книга, которая, будучи напечатанной по утру, была распродана до вечера» [Piozzi, p. 221–222]. Однако второе издание уже не смогло повторить успех первого. Первое издание «Чарльза Грандисона» (1753) составило 4000 экземпляров, третье издание – 2500 экземпляров [см.: Atlick, p. 49–50].

Таким образом, отдельные тиражи изданий романов Ричардсона, Филдинга и Смоллета редко превышали 4000 экземпляров и выдерживали четыре или пять переизданий, т. е. менее 9000 экземпляров – это все, что мог поглотить читательский рынок в течение одного года, даже если это был самый популярный и обсуждаемый роман. Аудитория читателей романов неуклонно расширялась вслед за появлением современных романов в середине XVIII в., ее рост поддерживался особой популярностью отдельных романов и покровительством библиотек, а не увеличением объема продаж конкретных изданий. Второе издание «Приключения Фердинанда графа Фатома» Смоллетта

(1771) вышло тиражом в 1000 экземпляров. Только когда автор приобрел популярность, издательство рискнуло заказать 2000 экземпляров первого издания, как и в случае с романом Фанни Берни «Сесилия». Обычный объем тиража для первого романа нового автора составлял 500 экземпляров. Первый тираж нового научного издания обычно варьировался от 500 до 1000 или максимум 2000 экземпляров. Так, «Словарь» Джонсона вышел тиражом в 2000 экземпляров, «Расселас» – 1500, собрание «Рэмблера» – 1250 (десять выпусков «Рэмблера», таким же тиражом, были проданы между 1750 и 1784 гг.), три издания Гиббона «Закат и падение Римской империи» (первый том) были распроданы в течение четырнадцати месяцев в количестве 3500 экземпляров [см.: Atlick, p. 50].

Особый интерес представляет статья в «Паблишерс серкелер» (1889), где приводится стоимость изданий XVIII в., а также срок, потребовавшийся на то, чтобы распродать тираж [см.: A Chapter]. После того как первоначальная популярность издания стихала, такие романы как «Кларисса», «Памела», «Грандисон» или «Том Джонс» могли оставаться на складе в течение четырех-шести лет. «Словарь» Джонсона в формате ин-фолио распродавался в течение восьми лет, ин-октаво – вдвое дольше, залежавшиеся копии различных изданий Шекспира пылились на складах от шести до сорока восьми лет. Два разных издания поэмы «Королевы фей» (1590 и 1596 г.) Эдмунда Спенсера оставались невостребованными около шестнадцати-восемнадцати лет [см.: A Chapter, p. 939]. Казалось бы, достаточно популярная поэма Джона Мильтона «Потерянный рай» была самым продаваемым изданием, однако, на продажу отдельных тиражей ушло от шести до сорока трех лет, а стоимость варьировалась от двух до двадцати пяти шиллингов [Ibidem]. Поэзия Александра Поупа оказалась более востребованной, в отличие от Мильтона: два издания из девяти частей разошлись в течение семи лет, в формате средний ин-октаво стоимостью два фунта четырнадцать шиллингов и малый октаво – один фунт семь шиллингов.

Наряду с изменениями в мужском образовании, происходят определенные сдвиги и в женских образовательных практиках. Школы-интернаты для девочек из высшего и высшего среднего классов появились в начале XVII в. как преемники дореформационных женских монастырей. Когда процветающие и амбициозные торговцы стали отправлять туда своих дочерей, образовательная ценность этих школ несколько снизилась. Поскольку от данных учебных заведений не ожидалось ничего, кроме поверхностного обучения «модным усовер-

шенствованиям», большинство женских пансионов XVIII в. были бесполезны в культурном смысле. Но, распространяя грамотность среди женщин из того социального класса, который ранее был безразличен к женскому образованию, даже эти школы помогли увеличить читательскую аудиторию в XVIII в. Поскольку все больше и больше женщин освобождались от домашней работы, у них появлялись свободное время и досуг, и, поскольку некоторые другие обычные способы повседневного времяпрепровождения, например рукоделие, больше не считались вполне благородными, книги смогли заполнить этот вакуум.

Впрочем, вплоть до середины века грамотная, но необразованная женщина могла найти сравнительно мало книг для чтения. Старомодные романы, такие как «Великий Кир» и «Астрея», какими бы длинными они ни были, невозможно было читать бесконечно, и, когда они были прочитаны, не было ничего, что могло бы занять нашу хозяйку, если только она не проявила бы интерес к книгам, которые Аддисон отметил («Спектейтор», № 37) на полках Леоноры (список книг библиотеки Леоноры): Акушерство Калпеппера, работы Ньютона, «Аркадия» Филипа Сидни (1590) и «Опыт о человеческом разумении» Д. Локка, «Пятнадцать выгод супружества», «Советы дочери» и т. д. [Spectator]. Лишь когда настало время Ричардсона и когда появилась «Памела» (1740–1741), ее успех и выход последующих романов показали масштабы женской аудитории, которая в течение нескольких десятилетий ждала чего-то стоящего ее внимания. С того времени, как свидетельствует растущий поток сентиментальных романов, женщины заняли одно из ключевых мест в формирующейся английской читательской аудитории.

Какие же еще факторы стимулировали интерес и вкус к чтению у англичан в XVIII в.? Во-первых, постоянно росла потребность в разного рода информации и практических руководствах (инструкциях) по ведению повседневных дел. По мере того как средний класс приобретал все большее экономическое значение и гражданскую ответственность, а объем практических знаний рос под влиянием эпохи Просвещения, полезные книги или книги-руководства приобретали все большее значение в повседневной жизни, чем это было столетием ранее. Лондонский торговец должен был идти в ногу с развитием возможностей на зарубежных рынках и новыми торговыми предложениями, сельский сквайр – иметь в своем распоряжении сборники законодательных актов, а зажиточный фермер – знать последние нововведения в сельском хозяйстве и животноводстве. Именно эта практическая необходимость в какой-то степени стимулировала и привыч-

ку читать для удовольствия. Необходимость постоянно находиться в курсе текущих экономических и политических событий поддерживала грамотность среди мужчин, а книги стали неотъемлемой частью повседневности.

Вклад Аддисона и Стила в XVIII в. в развитие интереса к чтению настолько известен, что вряд ли нужно здесь делать отдельный акцент на этом. Аддисон достаточно быстро достиг своей цели («Спектейтор», № 10) – «вытащить философию из книжных шкафов и библиотек, школ и колледжей, в клубы и собрания, на чайные столики и в кофейни» [цит. по: Atlick, p. 46], однако, исследователи часто недооценивают его роль как популяризатора чтения. Он и Стил обладали сочетанием качеств, которые были точно рассчитаны на то, чтобы привлечь средний класс в качестве читателей: толерантный юмор, в основе которого лежали моральные принципы, настолько твердые, насколько мог пожелать любой гражданин, прозаический стиль, который был простым, но никогда не снисходительным. Очерки «Спектейтора» и «Тэтлера» были составлены с учетом современной психологии потенциальных читателей, они находили отклик как у человека, которому другие материалы для чтения того времени казались либо слишком непристойными, либо предельно скучными, так и у того, кто просто не привык читать. Как отмечает Л. А. Алябьева, «Аддисон взял на себя роль учителя, воспитателя вкуса к изящной литературе у читателей из так называемого среднего класса – он признался, что видит свою цель не только в “развлечении”, но и в “совершенствовании страны”. Позднее в 58-м выпуске еженедельника Аддисон объявил, что “великой и единственной целью этих [его] рассуждений является изгнание порока и невежества из пределов Великобритании”. Вместе со Стилом он писал о вкусе, о моде и нравах, о литературе и музыке. Номер “Зрителя” состоял из одного эссе на какую-нибудь тему, причем некоторые из них были написаны в форме писем к читателям журнала, что создавало особую атмосферу между авторами еженедельника и его аудиторией» [Алябьева, с. 86].

Публикация разного рода литературных эссе в ранней периодике расширила литературные интересы читательской аудитории среднего класса. Аддисон и Стил упрощали свои рассуждения краткими, приятными отрывками из изящной художественной литературы. Таким образом, тысячи читателей «Спектейтора» с момента его первого выпуска и тысячи других, познакомившихся с ним позднее, общались к чтению путем простых, но эффективных манипуляций. Пусть и отредактированный на вкус издателя, литературный материал

теперь попадал и в другие периодические издания, появившиеся в течение столетия. Задолго до 1750 г. газеты начали печатать общие высказывания, часто обсуждая книги и авторов, а в 1757 г. «Лондон кроникл», вероятно по предложению доктора Джонсона, начала выпускать рецензии на книги, так что человек, который сначала заглядывал в газеты за рекламой и новыми знаниями, оказался теперь в курсе и текущих публикаций, и литературных новинок [Atlick, p. 46]. За журналами закрепились та же функции, особенно после того, как утихли политические дискуссии, которыми заполнялись страницы журналов при администрации Уолпола. В конце 1730-х гг. литературные эссе и критика стали появляться и в «Джентлменз мэгэзин», а в 1750-е гг. уведомления о новых книгах стали обычной чертой любого журнала. Таким образом, интерес к книгам возрос как никогда ранее, газеты, журналы и обзоры привлекали внимание к различным темам десятки тысяч англичан, чьи отцы были равнодушны к таким вопросам.

Отдельные журналы и обозрения не имели больших тиражей. Например, в 1746 г., когда население Англии было приблизительно шесть или семь миллионов, тираж «Джентлменз мэгэзин» составлял 3 000 экземпляров [Lennart, p. 62]. Периодические издания оказали ключевое влияние на развитие привычки читать в XVIII в., но не ввиду больших тиражей, а ввиду того что эти журналы и обозрения все чаще можно было найти в кофейнях, где они и обретали большую часть своей читательской аудитории. Число англичан, выпивающих чашечку кофе за «Джентлменз мэгэзин» или «Критикэл ревью», неуклонно росло.

Огромные тиражи журнала «Спектейтор» (14 000, согласно одному из источников, а по некоторым данным даже 20 000 экземпляров) были сильно преувеличены, его заказы на печать составляли около 3 000 или 4 000 экземпляров на один выпуск [Bond, p. 166–167]. Среди газет, издаваемых в 1704 г., «Лондон газетт» печатала свои выпуски в количестве 6 000 экземпляров, тиражи же других газет были значительно меньше. Так, «Ревью» Дефо было выпущено всего около 400 экземпляров. Было подсчитано, что в этом году было напечатано 7 600 экземпляров газет в понедельник, 8 400 во вторник, 2 600 в среду, 14 000 в четверг, 1 600 в пятницу и 9 600 в субботу – в среднем ежедневная продажа составляла 7 300 экземпляров [Sutherland, p. 111].

Тираж газет неуклонно рос на протяжении всего столетия. К 1780 г. ежегодная продажа газет составила 14 100 000 – почти в два раза больше, чем в 1753 г., а во время вступления Британии в войну с Францией в 1793 г. эта цифра превысила уже 17 000 000 [Timperley,

р. 806]. Причина опять-таки кроется не в том, что отдельные издания стали выпускаться большим тиражом, а в том, что возросло и количество изданий. В 1768 г. средний тираж «Паблик эдвертайзер» составлял 2 800 или 2 900 экземпляров в день, и даже когда он начал серию публикаций писем Юниуса (1769–1771 гг.), его средний тираж был не более 3400 экземпляров. В конце XVIII в., в разгар событий, которые затмили даже споры вокруг Юниуса, тираж «Таймс» составлял 4 700 или 4 800 экземпляров на один выпуск [Smith, p. 332–333].

Газеты были распространены только в крупных городах. Хотя некоторые и выходили в провинциях, их тираж и влияние были весьма ограничены. Некоторые лондонские газеты попадали и в сельскую местность, в то время как интерес к новостям рос под давлением событий, они передавались из рук в руки. Тем не менее, обычный англичанин, живущий за пределами Лондона, не был читателем газет. Газета была еще далека от того, чтобы стать незаменимым дополнением повседневной жизни. Несколько колонок новостей, которые они содержали, почти полностью отводились под рекламу. В качестве рупора свободного общественного мнения они еще были во многом бессильны, т. к. почти каждая статья была проплачена либо правительством, либо оппозицией.

Из-за гербового сбора цена газет была достаточно высока, ввиду чего они были недоступны большинству потенциальных читателей. В 1712 г. налог составлял пени за каждый лист, но его размер неуклонно увеличивался в 1776, 1789 и 1797 гг. [Smith, p. 362]. Поскольку газеты появились в кофейнях наряду с журналами, они также подогревали интерес к печатному слову и самой практике чтения. Они прошли не через одни руки тех англичан, у кого не было ни времени, ни усидчивости, чтобы прочитать целую книгу, но кто проявил случайный интерес к новостям, рекламным объявлениям и краткому литературному материалу.

Так, интеллектуалы сыграли ведущую роль в формировании вкуса к чтению у англичан в XVIII в. Особую роль в этом процессе сыграла периодическая печать, на страницах которой интеллектуалы продвигали литературную продукцию в широкие массы посредством эссе, обзоров и рецензий. Аддисон и Стил немало способствовали формированию вкуса к чтению у англичан на страницах «Спектейтора» и «Тэтлера». Особую актуальность этот процесс приобрел в середине XVIII в., когда начинается широкая серия публикации «новых» романов, получивших популярность у английской читающей публики. Кроме того, расширение читательской аудитории периодических из-

даний достигалось не посредством увеличения тиражей самих периодических изданий, а их широким распространением в кофейнях и разного рода собраниях. Тем не менее, на протяжении всего XVIII в. наблюдается как поступательный рост количества разного рода изданий, так и объемов их тиражей. Изменения в учебных программах также вызвали интерес к национальной литературе, которая ранее подвергалась забвению. Однако все эти поступательные изменения в повседневных практиках англичан не смогли бы увенчаться успехом без особой популяризаторской миссии интеллектуалов в Эпоху перемен.

Алябьева Л. А. Литературная профессия в Англии в XVI–XIX вв. М., 2004. A Chapter in History of Bookselling // *The Publishers' Circular*. 1889. Vol. 52, nr. 1245–1246. P. 884–885, 938–939.

Atlick R. D. The English Common Reader : a Social History of the Mass Reading Public, 1800–1900. Columbus, 1998.

Bond D. F. The First Printing of the Spectator // *Modern Philology*. 1950. Vol. 47, nr. 3. P. 164–177.

Lennart C. C. The First Magazine : a History of “Gentleman’s Magazine”. Providence, R. I., 1938.

Piozzi H. L. Anecdotes of the Late Samuel Johnson, LL. D. : during the Last Twenty Years of His Life. L., 1786.

Porter G. R. The Progress of the Nation, in Its Various Social and Economic Relations, from the Beginning of the Nineteenth Century. Methuen, 1912.

Preface // *The Penny Magazine of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge*. L., 1832.

Rollin C. The Method of Teaching and Studying the Belles Lettres ; or, An Introduction to Language, Poetry, Rhetoric, History, Moral Philosophy, Physics, &c. / tr. from the French. L., 1734.

Smith D. N. The Newspaper // *Johnson’s England. An Account of the Life & Manners of His Age* / ed. by A. S. Turberville. Vol. 2. Oxf., 1933. P. 331–367.

Spectator. 1711. Nr. 37. April 12.

Sutherland J. R. The Circulation of Newspapers and Literary Periodicals, 1700–1730 // *Library*. 1934. Vol. 15. P. 110–124.

Timperley C. H. Encyclopaedia of Literary and Typographical Anecdote. L., 1842.

Сознинова Ксения Андреевна
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры
зарубежного регионоведения
Уральский федеральный университет
620002 Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: sozinovak@gmail.com

Ksenia Sozinova
PhD (History),
Assistant Lecturer at the Department of
Foreign Regional Studies
Ural Federal University
19 Mira Str., 620002 Ekaterinburg, Russia
E-mail: sozinovak@gmail.com

**“Banish Vice and Ignorance out
of the Territories of Great-Britain”:
the Formation of the Reading Culture
in 18th Century England**

This article examines the role of periodicals in shaping the reading audience in England in the 18th century. The author draws attention to the contribution of intellectuals who, on the pages of the *Spectator* and the *Tatler*, formed the reading circle of the English nation, and also highlights the factors that influenced changes in the culture and practices of reading. A special role in this process was played by changes in educational programs and structures of everyday life in the Transition era.

Keywords: education, literacy, civil society, reading culture, periodicals, intellectuals, Transition Era.